

В ГОРАХ Дагестана падает снег.

Над вершинами высоких скал, у подножия которых приютились горные аулы, горят костры. Ручьи и реки стали тонкими, как струны кумуза, но не потеряли своей певучести, и гулкие ущелья далеко разносят зимнюю песню воды. Холодные льды ошетились на груди гор, как блестящие сабли.

Но море, синее Каспийское море — его не иссушат холодные декабрьские ветры, не затянут тяжелые льды. Сейчас по-летнему катит оно свои волны, освещенные солнцем, к подножию парка Махачкала в столице родного Дагестана.

Разная погода уживается у нас: в одну и ту же пору на неделе зима уступает место и минувшей осени, а то подразнит грядущей весной в самый канун Нового года.

Разные мысли переполняют сердце мое — путника, стоящего на пороге нового дома, на пороге новых дней и свершений. Не скажешь — они, эти мысли, особые. Порой кажется, они такие, как были у людей и сто, и тысячу лет назад! Но нет, волны говорят — год минувший заставил о многом вспомнить, о многом забыть... Волны шумят о будущем, они полны раздумий.

Отрывая последний листок календаря, прощаясь с одним годом и встречаясь с другим, мы не просто выходим из одного поезда и пересаживаемся в другой. Поезд у нас один, и одна «в коммуне останова». Не потому ли мы берем в дорогу груз прошлого со всеми его печалью и радостями?

Наверное, не одному мне кажется, что новый, шестьдесят второй, год начнется не с 1 января, он уже начался с тех исторических дней, когда в Москве открылся XXII съезд Коммунистической партии.

Прошло два месяца с того часа, когда председательствующий объявил о закрытии съезда, и все делегаты, встав, запели «Интернационал». Но сердцем я еще там, в рядах, дающих клятву: «Мы наш, мы новый мир построим!..»

На XXII съезде присутствовали делегаты всех национальностей нашей Родины. Незримые глазу, но крепчайшие сердечные нити протянулись от Кремля к каждой республике, городу, селению, одинокой сакле или суденышку, затерянному среди морей нашей державы.

ЛЮДИ-ЗВЕЗДЫ

СЪЕЗД продолжался четырнадцать дней. Но мы ощущаем, что

Расул ГАМЗАТОВ

он длится до сих пор. Сегодня и завтра и еще много-много дней будет продолжаться съезд в аулах и горах, будут выступать ораторы, ставшие «маяками», и «маяки», ставшие пропагандистами-ораторами. В день открытия съезда, когда мы, как зачарованные, смотрели на новый Кремлевский Дворец съездов, кто-то в шутку назвал его стилией среди бояр. Но за четырнадцать дней новый дворец играл такую роль, приобрел такое поистине всемирно-историческое значение, что ему вправду позавидовать все дворцы Кремля.

Нет на карте такой географической точки, с которой так далеко и ясно видны были бы прошлое и будущее нашей страны. Но история переделывает географию; с высочайшей вышкой, какой является XXII съезд, каждый может увидеть «дали неоглядные», путь пройденный и путь предстоящий.

Перед делегатами XXII съезда была сама история. Она вошла в этот зал полноправной хозяйкой, открыв людям лицо, не скрывая ни горькой муки, ни светлой улыбки,

что вместе с нами пели «Интернационал» делегаты всех двадцати двух съездов, борцы и мученики, герои и труженики, рушившие «мир голодных и рабов». Сам Ленин, казалось, председательствовал на съезде строителей коммунизма.

Каждый, кому выпало счастье быть на XXII съезде, унес с собой не только память о незабываемых днях, но и большие раздумья чувств, волнение и заботу, радость и огорчения. Эти чувства переполняют меня, и я делюсь ими с земляками: колхозниками далеких аулов и студентами, рабочими дагестанского порта и своими собратьями по цеху — писателями. Не забуду, как мой собеседник колхозник Чарада сказал об идее съезда:

«У нас в горах есть много пещер и глубоких ущелий, куда даже летом не проникают лучи солнца небесного. Но свет, зажженный партией, проник в каждую пещеру, осветил самые глухие ущелья».

В Дагестане есть древний обычай украшать поэтическими надписями стенки колыбели и мольный камень, рукоятку кинжала и до-

не пряча гордой правды. Не потому ли так величаво звучал наш гимн,

машный камин. Известный писатель кубачинец Ахметхан Абакаров увидел однажды такую надпись на светильнике: «Чтобы светило — надо зажечь».

Партия, Центральный Комитет сумели зажечь, дать свет сердцам тысяч и тысяч людей, принесли тепло и радость многим и многим странам. Нет для писателя высшего долга, чем зажечь этим светом сердца, осветить дорогу идущему вперед, как нет для борца иного места, кроме как на передовой линии огня.

ПРОШЕДШИЙ год, кроме заслуг перед миром, имеет и еще одну заслугу перед каждым из нас: это был год утверждения новых чувств, новых отношений между людьми. Утвердились эти отношения в серьезной борьбе с прошлыми заблуждениями, самым тяжелым из которых было недоверие к человеку. В самой ожесточенности этой борьбы уже таился залог неодолимости, неизбежности победы нового над темным прошлым. Человек стал выражать свою мысль откровеннее. Голос его поднялся от робкого шепота до полного звучания. Сильным стал голос горца из дальнего аула, киргиза из степной юрты, якута из далекой Сибири. Они, эти голоса, сливаются с голосом Москвы и вместе с Москвой звучат на весь мир. Это на войне победу определяет количество взятых городов, крепостей и трофеев. В минувшем году наши идеи одержали великолепную победу: мы взяли такую крепость, как космос; это наш герб — символ нерушимого союза рабочего и пахаря — покоится на груди Луны. Слава нашей страны взлетела к звездам. Но славу простого человека-труженика наша партия ставит выше самых ослепительных звезд. И люди-энтузиасты, люди-маяки стали нашими звездами, миллионами звезд!

В минувшем году наши идеи пленили миллионы сердец простых людей за рубежом, это я увидел сам, будучи в Лондоне и Париже, Польше, Болгарии и Индонезии. Миллионы сердец (а пусть полководцы скажут, какая крепость может быть прочнее и непобедимее человеческого сердца!) раскрываются навстречу коммунистическим идеям, что бы там ни пели наемные солисты буржуазной идеологии о пресловутой «свободе», которой

располагают они и которой «навек лишены» советские люди, советские писатели.

Вспоминается ответ покойного Мухтара

Ауэзова японским «защитникам свободы», обвинявших наших художников в создании картин «по указке ЦК». Ауэзов напомнил, что первая Ленинская премия была присуждена Сергею Конечкову за автопортрет. — Неужели, — иронизировал Ауэзов, — ЦК приказал Конечкову создать автопортрет? И вообще получается странное дело: никто из советских писателей и художников не жалуется на отсутствие свободы, и только зарубежные наши жалельщики трубят об этом на всех перекрестках сити и стритов!

В Лондоне американский турист задал мне такой вопрос:

— Вы можете пойти на Красную площадь с лозунгами, критикующими партию и ее ЦК?

Я ответил: как же я буду выступать против самого себя, всего родного дома, своей Родины? Партия я обязан своей счастливой

(Окончание на 3-й стр.)

Литература и искусство
г. Москва

ЯНУАРИ